

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

УДК 343.621

**Преступления, связанные с незаконным проведением
искусственного прерывания беременности (аборта),
в законодательстве зарубежных стран***В. В. Власенко¹, И. Н. Маркина², Э. Фохрер-Дедеурваердер³*

¹ Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
Российская Федерация, 355000, Ставрополь, пр. Кулакова, 43

² Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

³ Университет Тулуза 1 Капитолий,
Франция, 31042, Тулуза, пер. Бриен, 21

Для цитирования: Власенко, Владислав В., Ирина Н. Маркина, Эстель Фохрер-Дедеурваердер. 2020. «Преступления, связанные с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (аборта), в законодательстве зарубежных стран». *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право* 1: 154–172. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.111>

В статье изложены результаты исследования норм уголовного законодательства определенных стран Европы (в том числе стран СНГ и Балтии) и Северной Америки, устанавливающих ответственность за различные деяния, связанные с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (аборта). Выбор стран обусловлен развитостью их уголовного законодательства в исследуемой части (относится к государствам Европы и Северной Америки), а также единым историческим опытом и юридической схожестью соответствующих норм (относится к странам — участницам СНГ и странам Балтии). В настоящее время необходимо усилить правовую защиту жизни и здоровья женщины (прежде всего репродуктивного) в целях улучшения демографической обстановки в России. Одним из направлений такого усиления должно стать повышение эффективности уголовно-правовых мер, обеспечивающих охрану соответствующих благ от преступных посягательств, связанных с незаконным прерыванием беременности. Особую роль в этом направлении играет положительный зарубежный опыт противодействия подобным криминальным явлениям, который следует активно использовать при разработке изменений в российское уголовное законодательство. Принципиальная особенность уголовного законодательства рассматриваемых стран — прежде всего наличие ответственности за различные формы незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта), связанные с нарушением условий

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

и требований безопасности его проведения, а не только за одну его разновидность, как в российском уголовном законе, где установлена лишь ответственность лица, не имеющего высшего медицинского образования соответствующего профиля, что положительно отличает его от российского. Наличие в уголовном законодательстве рассматриваемых стран значительного количества разнообразных преступлений, связанных с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (аборта) (самоаборт, содействие аборту, склонение к аборту, неведение о проведении аборта, попустительство аборта и т. д.), обусловлено прежде всего наличием достаточно узкого перечня легальных оснований проведения такого медицинского вмешательства, что, в свою очередь, представляет собой проявление ограничения свободы женщины в вопросах прерывания беременности.

Ключевые слова: аборт, искусственное прерывание беременности, медицинские показания, социальные показания, врач, наличие медицинского образования, отсутствие медицинского образования, содействие аборту, склонение к аборту, крайняя необходимость.

1. Введение

В настоящей статье рассматривается законодательство некоторых стран дальнего зарубежья, а также стран — участниц Содружества Независимых Государств¹ (далее — СНГ) и стран Балтии (Латвии, Литвы и Эстонии), ранее являвшихся союзными республиками СССР, касающееся преступлений, связанных с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (аборта).

В первую очередь обратимся к результатам анализа положений уголовного законодательства наиболее развитых в социально-культурном плане стран Европы и Северной Америки в сфере незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта), отличающихся высокой степенью разработанности, поскольку именно накопленный в этих государствах позитивный опыт в данной области должен послужить источником законодательных мер, направленных на совершенствование российского уголовного закона в соответствующей части.

Далее приведем итоги сравнительного анализа уголовного законодательства стран — участниц СНГ и стран Балтии, так как их уголовное законодательство наиболее схоже по социально-правовой сущности и юридической технике с отечественным, что непосредственно связано с общим историческим опытом. Наиболее ярко это обстоятельство проявляется на примере уголовного законодательства стран — участниц СНГ, в основе которого лежит Модельный Уголовный кодекс для государств — участников СНГ от 17.02.1996, принятый Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ (Дата обращения 4 июля, 2019. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30074120#pos=1;-81).

2. Основное исследование

Начнем изложение с законодательства США, Канады, Великобритании, относящихся к так называемой семье общего права (англосаксонской правовой системе), поскольку оно имеет специфику по сравнению с законодательством

---

¹ Также будет рассмотрено уголовное законодательство Грузии и Украины, которые прекратили свое членство в СНГ.

других стран. В уголовно-правовых источниках указанных стран наблюдается диаметрально противоположное отношение к незаконному искусственному прерыванию беременности. Как верно отмечает М. В. Киселева, имеющиеся в данном вопросе «существенные различия в подходах к установлению уголовно-правовой ответственности связаны в частности с социальными, культурными и религиозными факторами» (Киселева 2010, 21).

Законодательство Великобритании и Канады прочно стоит на позиции классической концепции, суть которой заключается в том, что жизнь как таковая возникает после полного отделения плода от организма матери (т. е. окончания физиологических родов). Поэтому в указанных странах умерщвление плода в утробе беременной женщины признается самостоятельным преступлением, а не какой-либо разновидностью убийства.

Так, согласно английскому Закону «Об охране жизни детей» 1929 г., «всякое лицо, которое, имея намерение лишить жизни ребенка, способного родиться живым, посредством умышленных действий лишает его жизни до того, как он получил самостоятельное от матери существование, виновно в фелонии вытравливания плода» (приводится по: Бабичев 2014, 55). Наличие или отсутствие согласия потерпевшей в данном случае на квалификацию не влияет. Присяжные заседатели могут дополнительно вменить виновному лицу норму, предусматривающую ответственность за нелегальное использование инструментов или медикаментозных средств, применяемых при прерывании беременности. Если «вытравливание плода» совершено в целях спасения жизни роженицы, уголовная ответственность исключается. Состав данного деяния также не образуют случаи законного прерывания беременности, совершенные при наличии необходимых медицинских показаний.

Уголовный кодекс (далее — УК) Канады в ч. 1 ст. 287 (часть VIII «Преступления против личности и репутации») (Canada Consolidation Criminal Code R. S. C., 1985, с. С-46. À jour au 29 juillet 2019. Dernière modification le 21 juillet 2019. *Publie par le ministre de la Justice a l'adresse suivante*. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-46.pdf>) устанавливает ответственность для лиц, не являющихся квалифицированными врачами либо использующих для этого медицинские организации, не имеющие аккредитацию, которые умышленно, чтобы добиться искусственного выкидыша у женщины, независимо от того, беременна она или нет, применяют какие-либо средства, методы и иные приемы. В ч. 2 этой же статьи предусмотрена ответственность беременной женщины, которая в целях вызывания у себя искусственного выкидыша вводит в свой организм необходимые средства либо использует другие методы и приемы в тех же целях (так называемый самоаборт). По ч. 2 также наступает ответственность беременной женщины, давшей разрешение на проведение ее прерывания беременности лицу, не относящемуся к категории квалифицированных врачей либо использующему для этого медицинские организации, не имеющие аккредитации, путем применения указанных выше средств, методов и других приемов. Кроме того, в Канаде криминализован незаконный оборот наркотических, медикаментозных средств и иного оборудования, специально предназначенного для осуществления незаконного искусственного прерывания беременности (ст. 288 УК Канады). Таким образом, канадское уголовное законодательство признает преступным не только неправомерный аборт (в том числе самоаборт), но и другие деяния, связанные с его осуществлением, что несвойственно

российскому уголовному законодательству в силу определенных правовых и социокультурных факторов.

Во многих штатах США, в отличие от указанных выше стран семьи общего права, человеческая жизнь наделяется уголовно-правовой охраной уже с момента зачатия. Во многом такое положение вызвано принятием 22.11.1969 в г. Сан-Хосе Американской конвенции о правах человека (Международные акты о правах человека: сб. документов. 2002. Институт государства и права Российской академии наук. Комиссия по правам человека при Президенте РФ, 867–886. М.: Норма-ИНФРА-М), в ст. 4 «Право на жизнь» которой сказано, что право на уважение жизни человека подлежит защите, как правило, с момента зачатия. Кроме того, в 2004 г. в США был принят Закон о защите нерожденных жертв насилия (Сенат США принял Закон о нерожденных жертвах насилия. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://medportal.ru/mednovosti/news/2004/03/26/pregnant/>), согласно положениям которого умышленное убийство женщины, находящейся в состоянии беременности, оценивается как двойное убийство со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями.

Классические примеры подобного уголовно-правового восприятия момента начала жизни человека — соответствующие законодательные акты таких штатов США, как Калифорния, Иллинойс и Пенсильвания. В частности, уголовные законы штатов Иллинойс (Criminal Law and Procedure Handbook of Illinois. 2013. Edition. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://pdfsearch.org/criminal-law-and-procedure-handbook-of-illinois-2013-edition>) и Пенсильвания (2010 Pennsylvania Code Title 18 — CRIMES AND OFFENSES. 2010. JUSTIA US Law. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://law.justia.com/codes/pennsylvania/2010/title-18>) признают умышленное причинение смерти плоду в утробе матери в качестве felonии первой степени, за совершение которой предусмотрено наказание в виде тюремного заключения на срок от 4 до 15 лет. Потерпевшим от данного вида убийства может быть исключительно жизнеспособный ребенок (срок беременности должен быть не менее 28 недель). Конструктивным субъективным признаком данного преступления выступает наличие у виновного сильного психического волнения, вызванного провокационным поведением иного лица (состояние аффекта). В этих же уголовно-правовых источниках содержится норма, устанавливающая ответственность за совершение аналогичных действий при наличии у субъекта извинительной юридической ошибки относительно обстоятельств, исключающих криминальный характер причинения смерти ребенку в утробе матери.

В соответствии со ст. 187 УК штата Калифорния (2009 California Penal Code. 2009. JUSTIA US Law. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://law.justia.com/codes/california/2009/pen.html>) убийством признается в том числе заранее обдуманное злоумышленное аффектированное причинение смерти зародышу человека, которым считается плод при сроке беременности не менее трех месяцев. При совершении такого преступления виновному лицу в зависимости от обстоятельств может быть назначено тюремное заключение на срок 3 года, 6 или 11 лет. В случае если умерщвление эмбриона произошло при наличии законных оснований (прежде всего медицинских критериев), то уголовная ответственность лица исключается.

По справедливому замечанию А.В. Малешиной, «широко представленная в американских штатах позиция предполагает неоправданное увеличение границы уголовно-правовой охраны, предоставляя плоду статус рожденного человека»

(Малешина 2009, 16). С подобным мнением следует согласиться, поскольку даже в вопросе уголовно-правового характера ставить знак тождества между родившимся человеком и человеческим эмбрионом (плодом), пусть и жизнеспособным, не вполне верно по биологическим и этическим соображениям.

Теперь обратимся к соответствующему уголовному законодательству стран Европы (Восточной и Западной), которое основывается на принципах, свойственных романо-германской правовой семье (континентальной правовой системе). Думается, что рассмотрению подлежат лишь уголовно-правовые источники тех стран, в которых достаточно развито и разработано законодательство в сфере противодействия преступлениям, связанным с незаконным прерыванием беременности.

Так, уголовному законодательству многих стран Европы свойственно наличие в рамках института преступлений против личности субинститутов (главы, разделы уголовных кодексов), посвященных целиком преступлениям, связанным с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (аборта). Яркие примеры — уголовные законы таких стран, как Австрия, Бельгия, Испания, Польша, Швейцария, Франция, ФРГ. В отличие от большинства европейских стран, где преступления в сфере прерывания беременности относятся к преступлениям против здоровья человека (ставящим в опасность жизнь и здоровье человека), в германском уголовном праве прерывание беременности оценивается как разновидность преступлений против жизни (так называемые преступления против еще не родившейся жизни) (Кабурнеев 2007, 23–24).

Другая интересная особенность европейского уголовного законодательства — наличие перечня легальных оснований для проведения искусственного прерывания беременности (аборта) медицинского, социального, этического характера, а также норм, регламентирующих процессуальный порядок получения разрешения на проведение соответствующего медицинского вмешательства (Австрия, Бельгия, Турция, Швейцария, ФРГ). Иными словами, в уголовно-правовых источниках некоторых рассматриваемых стран имеются бланкетные положения, относящиеся скорее к медицинскому законодательству, чем к уголовному. В отдельных странах Европы законодатель предусмотрел специальный вид такого обстоятельства, исключаяющего преступность деяния, как крайняя необходимость; этот вид применяется исключительно к случаям незаконного прерывания беременности, имеющим особые черты (например, Уголовные кодексы Австрии (*Österreichisches Strafgesetzbuch. Bundesgesetz vom 23. Jänner 1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen (Strafgesetzbuch — StGB) StF: BGBl. Nr. 60/1974 i. d. F. BGBl. I Nr. 15/2004, 136/2004, 152/2004 und 68/2005*. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/93674/109612/F467747936/AUT9367%20Ger.pdf>), Турции (*Türk ceza kanunu. 2004*. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5237.pdf>), Швейцарии (*Schweizerisches Strafgesetzbuch. vom 21. Dezember 1937. Stand am 1. März 2019*. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19370083/index.html#a187>), ФРГ (*Strafgesetzbuch (StGB). § 218 Schwangerschaftsabbruch*. Дата обращения 4 июля, 2019. http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_218.html)). Все описанные специфические черты европейского уголовного законодательства вряд ли представляют интерес для российского уголовного закона, так как они противоречат особенностям правового регулирования и законодательной техники, сложившимся в России.

Основополагающее отличие европейского уголовного законодательства от российского в исследуемой части, вне всяких сомнений, состоит в наличии значительного количества криминообразующих признаков, а не единственного, как в ст. 123 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (здесь и далее ссылки на российское законодательство даются по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 12 июля, 2019. <http://www.consultant.ru>), связанного с отсутствием у субъекта необходимого высшего медицинского образования (Власенко 2015). Исходя из специфики юридической техники, в соответствующих уголовно-правовых нормах может содержаться как исчерпывающий перечень криминообразующих признаков незаконного проведения искусственного прерывания беременности, так и лишь указание на незаконность подобной медицинской операции, суть которой раскрыта в нормах законодательства в сфере здравоохранения. Только о незаконности как о конструктивном признаке криминального проведения искусственного прерывания беременности сказано в уголовных кодексах Австрии, Голландии (УК Голландии 1881 г. Дата обращения 4 июля, 2019. <http://crimpravo.ru/page/zar-uk>), Испании (УК Испании 1995 г. Дата обращения 4 июля, 2019. artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc), Польши (УК Республики Польша 1997 г. Kodeks karny — Polskie Kodeksy. Дата обращения 4 июля, 2019. <http://kodeks.ws/karny>), Республики Сан-Марино (Codice Penale. Approvato con regio decreto 19 ottobre 1930, n. 1398. Дата обращения 4 июля, 2019. <https://www.studiocataldi.it/codicepenale/>), Швейцарии, ФРГ. Точно определены условия преступного прерывания беременности в уголовном законодательстве Бельгии (Code pénal de Belgique. 2019. Legislation online. Дата обращения 12 июля, 2019. <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>), Франции (Code Pénal. 2010. Дата обращения 12 июля, 2019. http://www.ejustice.tn/fileadmin/fichiers_site_francais/codes_juridiques/Code_penal_12_07_2010_fr.pdf). В уголовных законах Болгарии (Наказателен Кодекс (изменен до 26.04.2011). Дата обращения 12 июля, 2019. http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=238464) и Норвегии (Straffeloven 2005 — formildende omstendigheter. Дата обращения 12 июля, 2019. https://lovdata.no/artikkel/straffeloven_2005__formildende_omstendigheter/1630) предусмотрены лишь отдельные признаки криминального прерывания беременности, а остальные также содержатся в соответствующем бланкетном законодательстве. Обобщенный анализ криминообразующих признаков незаконного проведения искусственного прерывания беременности свидетельствует, что в качестве таковых признаются:

- осуществление прерывания беременности лицом, у которого отсутствует право (необходимое образование, лицензия, разрешение и т. п.) на такую медицинскую операцию;
- прерывание беременности на более поздних сроках, чем предусмотрено законом;
- прерывание беременности вне соответствующего специального медицинского учреждения, где законом допустимо ее проведение;
- использование для прерывания беременности опасных для жизни женщины методов и средств.

Перечисленные выше условия, при наличии которых прерывание беременности признается преступным, представляются весьма удачными, исходя из специфики рассматриваемого деяния, которое создает достаточно существенную и ре-

альную угрозу для жизни женщины. Подобным перечнем целесообразно руководствоваться при разработке необходимых изменений ст. 123 УК РФ².

Квалифицирующие признаки незаконного проведения искусственного прерывания беременности в уголовно-правовых источниках стран Европы в основном предусматривают наступление по неосторожности негативных последствий для жизни беременной женщины в виде смерти или тяжкого вреда здоровью. Либо же, как в УК ФРГ (п. 2 ч. 2 § 218), квалифицирующий признак состоит в создании опасности для жизни и здоровья такой женщины. Кроме того, в уголовных законах Франции (ст. 223-11 УК), Австрии (ч. 1, 2 § 96 УК), Болгарии (ч. 3 ст. 126 УК), Норвегии (§ 245 Общегражданского УК) и Республики Сан-Марино (ч. 2 ст. 153 УК) систематическое осуществление искусственного прерывания беременности (в виде промысла, повторно) выступает в качестве обстоятельства, усиливающего уголовную ответственность. Согласно уголовным законам Норвегии (§ 245 Общегражданского УК) и Республики Сан-Марино (ч. 2 ст. 153 УК), квалифицирующим признаком прерывания беременности также признается его совершение в целях обогащения (получения материальной выгоды). Подобные квалифицирующие признаки (систематичность, корыстная мотивация) вряд ли необходимы российскому закону, так как неоднократность была исключена из ч. 2 ст. 123 УК РФ еще в 2003 г., а корысть имеется почти в 80 % всех случаев совершения соответствующего преступления.

Представляет интерес польское уголовное законодательство, которое предусматривает квалифицирующий признак незаконного прерывания беременности, заключающийся в осуществлении подобной операции в период, «когда плод достиг способности к самостоятельной жизни вне организма беременной женщины» (§ 3 ст. 152 и § 2 ст. 153 УК Польши). В этом вопросе следует полностью согласиться с польским законодателем, поскольку при таком сроке протекания беременности может родиться жизнеспособный ребенок, а вероятность возникновения негативных последствий для жизни и здоровья беременной женщины существенно увеличивается³.

В большинстве европейских стран самостоятельным видом незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта) выступает осуществление данного медицинского вмешательства без наличия на то согласия беременной женщины (против ее воли). В испанском УК к отсутствию согласия беременной женщины приравнивается вынужденное ее согласие, данное в результате применения насилия, угрозы либо обмана (ст. 144). Австрийское уголовное законодательство содержит частное правило, исключаящее ответственность за недобровольный аборт; лицо не подлежит наказанию, если такая медицинская операция произведена для спасения жизни беременной женщины, согласие которой получить не представляется возможным в силу объективных причин (болезненное состояние, пси-

² С указанным мнением согласились 75 % опрошенных респондентов, против него высказались 20 %, остальные респонденты своего мнения не указали. Здесь и далее приведены результаты социологического опроса 174 практических сотрудников правоохранительных органов (работники Прокуратуры РФ, сотрудники следственных подразделений и подразделений дознания МВД России, следователи Следственного комитета России) и научно-педагогических работников. Опрос проведен авторами настоящего исследования под руководством В. В. Власенко.

³ За необходимость использования подобного положительного опыта в уголовном законодательстве РФ высказались 66 % опрошенных респондентов, против — 28 %, остальные респонденты своего мнения не указали.

хическое расстройство и т. д.). Наказание за подобные преступления существенно суровее, чем за добровольное прерывание беременности, что объясняется именно насильственным характером деяния. Согласно нормам российского уголовного законодательства, исходя из имеющихся правовых традиций, умышленное прерывание беременности без согласия беременной женщины понимается как причинение тяжкого вреда ее здоровью (ст. 111 УК РФ), а не как одна из форм незаконного проведения искусственного прерывания беременности, что свидетельствует о разном восприятии подобного преступления в России и многих странах Европы.

Уголовная ответственность женщин за проведение в отношении самой себя искусственного прерывания беременности (аборта) (так называемый самоаборт) предусмотрена в ряде европейских стран. Например, в абз. 3 § 218 УК ФРГ закреплена ответственность женщины, совершающей себе аборт. Причем в абз. 4 этого же параграфа сказано, что за покушение на такой аборт женщина наказанию не подлежит, а при нахождении ее в крайне бедственных условиях суд вправе освободить ее от наказания (абз. 5). Схожая норма присутствует в турецком уголовном законодательстве, однако ответственность для женщины наступает исключительно за аборт, совершенный на сроке десяти недель беременности (ч. 1 ст. 100 Уголовного кодекса Турции). Интересно, что в ст. 153 УК Республики Сан-Марино преступным признается уже сама попытка беременной женщины вызвать у себя искусственный аборт (Elul et al. 2001).

В некоторых странах наравне с самоабортом криминализовано и согласие беременной женщины на проведение ей искусственного прерывания беременности. Так, согласно § 96 УК Австрии, «женщина, которая прерывает себе беременность самостоятельно или допускает проведение прерывания беременности другим лицом, наказывается лишением свободы на срок до одного года». В свою очередь, в ст. 351 Уголовного кодекса Бельгии установлена ответственность женщины, которая «по собственному желанию заставит врача произвести ей аборт, невзирая на отсутствие условий, необходимых для его производства». Иными словами, в приведенном случае беременная женщина, по сути, принуждает врача сделать ей аборт, хотя на то нет законных оснований.

Одной из основных особенностей уголовного законодательства стран Европы в исследуемой сфере следует признать наличие определенных преступлений, связанных с соучастием в проведении незаконного искусственного прерывания беременности (аборта). В законах некоторых рассматриваемых стран имеются отдельные нормы об уголовной ответственности за пособничество (содействие) в незаконном проведении искусственного прерывания беременности (аборта). В частности, в ст. 153, 154 УК Республики Сан-Марино установлена ответственность «всякого лица», оказывающего беременной женщине содействие в искусственном аборте. Согласно § 245 Общегражданского УК Норвегии, лицо, способствующее прерыванию беременности «без наличия законных оснований для такого вмешательства», подлежит уголовному наказанию. Схожая норма присутствует и в польском уголовном законодательстве: «Подлежит наказанию тот, кто оказывает беременной женщине помощь в прерывании беременности с нарушением предписаний закона» (§ 2 ст. 152 УК Польши).

Уголовные законы ФРГ и Франции характеризуются более конкретным описанием пособнических действий в незаконном проведении искусственного преры-

вания беременности. Так, в § 219 «b» УК ФРГ предусмотрена ответственность для лиц, которые в целях способствования противоправному прерыванию беременности сбывают средства либо предметы, необходимые для этого медицинского вмешательства. В ст. 223-12 УК Франции криминализовано «предоставление женщине материалов для самостоятельного прерывания беременности».

Ответственность за подстрекательство (склонение) женщины к прерыванию беременности с нарушением предписаний закона закреплена в § 2 ст. 152 УК Польши. Уголовная ответственность за аналогичные действия, совершенные с применением насилия, угрозы либо обмана, предусмотрена в § 1 ст. 153 УК Польши.

Существование в уголовном законодательстве указанных стран такого значительного количества разнообразных преступлений, связанных с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (самоаборт, содействие, склонение к аборту и т.д.), обусловлено прежде всего наличием достаточно узкого перечня легальных оснований проведения такого медицинского вмешательства, что, в свою очередь, выступает проявлением ограничения свободы женщины в вопросах прерывания беременности. Иными словами, в тех странах, где аборты допустимы только по медицинским показаниям (реже по социальным показаниям), многие из описанных выше деяний криминализованы. В странах, где отношение к абортам достаточно либеральное (возможен аборт без наличия медицинских либо социальных показаний), уголовная ответственность предусмотрена в основном за действия, создающие опасность для жизни беременной женщины (Junker 2004).

Переходя к рассмотрению уголовного законодательства стран — участниц СНГ и стран Балтии, которые ранее были союзными республиками СССР, устанавливающего ответственность за совершение преступлений, связанных с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (аборта), отметим, что большинство соответствующих норм сосредоточено в главах и разделах уголовных законов, где регулируется ответственность за преступления против жизни и здоровья, что роднит их с российским аналогом (ст. 123 УК РФ). Такое положение существует в уголовном законодательстве следующих стран: Республика Азербайджан (УК Республики Азербайджан 1999 г. Дата обращения 2 августа, 2019. http://www.unodc.org/tldb/pdf/Azerbaijan_Criminal_Code_in_Russian_Full_text.pdf), Республика Армения (УК Республики Армения 2003 г. Дата обращения 2 августа, 2019. <http://geum.ru/next/art-269435.leaf-9.php>), Республика Беларусь (УК Республики Беларусь 1999 г. Дата обращения 2 августа, 2019. http://bel-kodeksy.com/uk_rb/371.htm), Кыргызская Республика (УК Кыргызской Республики 1997 г. (по состоянию на 21.04.2014). Дата обращения 2 августа, 2019. <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/kg/kg144ru.pdf>), Республика Молдова (УК Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (с изм. и доп. на 15.11.2018). Дата обращения 2 августа, 2019. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923), Республика Таджикистан (УК Республики Таджикистан 1998 г. Дата обращения 2 августа, 2019. <http://www.mmk.tj>), Республика Туркменистан (УК Туркменистана от 12.06.1997 № 222-I (с изм. и доп. на 08.06.2019). Дата обращения 2 августа, 2019. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286#pos=1707;-156) и Республика Украина (УК Республики Украина 2001 г. Дата обращения 2 августа, 2019. <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-14>).

В уголовных законах Республики Грузия (УК Республики Грузия 1999 г. Дата обращения 13 августа, 2019. <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/143/>

ru/pdf), Литовской Республики (УК Литовской Республики 2002 г. Дата обращения 13 августа, 2019. http://www.pravo.vuzlib.su/book_z794_page_46.html) и Республики Узбекистан (УК Республики Узбекистан 1994 г. Дата обращения 13 августа, 2019. Uzbekistan_CC_1994_am_ru.pdf) существуют самостоятельные главы, посвященные преступлениям, ставящим в опасность жизнь и здоровье человека (гл. XXI «Создание опасности жизни и здоровью человека», гл. XIX «Преступления, сопряженные с опасностью для здоровья и жизни» и гл. III «Преступления опасные для жизни или здоровья» соответственно), в которых законодатель предусмотрел нормы, устанавливающие ответственность за незаконный (преступный) аборт. В свою очередь, латвийское уголовное законодательство рассматривает незаконное производство аборта в качестве преступления против здоровья личности, в силу этого соответствующая норма заключена в гл. XIII «Преступные деяния в отношении здоровья лица» УК Латвийской Республики (Kriminālikums 01.04.1999. Дата обращения 13 августа, 2019. <https://likumi.lv/doc.php?id=88966>).

Особое внимание обращает на себя Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики 2001 г. (Дата обращения 13 августа, 2019. http://www.juristaitab.ee/sites//files/elfinder/ruseadused/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ%20КОДЕКС_01.05.2015.pdf), разд. 4 «Незаконное искусственное прерывание беременности» которого предусматривает сразу четыре нормы об уголовной ответственности за различные преступления, связанные с прерыванием беременности. Интерес вызывает также относительно новый УК Республики Казахстан 2014 г. (Дата обращения 13 августа, 2019. http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#sub_id=3920000), гл. 12 «Медицинские уголовные правонарушения» которого включает в себя разнообразные ятрогенные преступления. Именно в этой главе и содержится уголовно-правовая норма о незаконном производстве аборта.

Факт расположения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности (аборта), в той или иной главе (разделе) уголовного закона не имеет правоприменительного значения, а свидетельствует скорее о социально-правовой природе, которой законодатель наделяет эту норму в конкретном государстве.

Принципиальная особенность уголовного законодательства рассматриваемых стран — наличие ответственности за различные формы незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта), а не только за одну его разновидность (как в российском уголовном законе), связанную с осуществлением такого медицинского вмешательства лицом, у которого отсутствует соответствующее медицинское образование (Власенко 2015). Тем не менее считаем целесообразным рассмотреть особенности законодательного формулирования именно этого криминообразующего признака в уголовных законах названных стран.

Уголовные кодексы определенных стран — участниц СНГ полностью воспроизводят описание признаков субъекта, которое содержится в диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ. В частности, о совершении рассматриваемого преступления «лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля», сказано в ч. 2 ст. 120 «Незаконное производство аборта» УК Республики Туркменистан, ч. 2 ст. 123 «Незаконное производство аборта» УК Республики Таджикистан, ч. 1 ст. 319 «Незаконное производство аборта» УК Республики Казахстан и в ч. 2 ст. 116 «Незаконное производство аборта» УК Кыргызской Республики. В не-

которых других странах — участницах СНГ используются синонимичные формулировки. Так, в п. «б» ч. 1 ст. 159 «Незаконное производство аборта» УК Республики Молдова, а также в ч. 2 ст. 141 «Незаконное производство аборта» УК Республики Азербайджан и в ч. 2 ст. 122 «Незаконное производство аборта» УК Республики Армения говорится о лице, «не имеющем специального высшего медицинского образования».

В ч. 1 ст. 134 «Незаконное производство аборта или стерилизации» УК Украины предусмотрена ответственность за проведение аборта лицом, не имеющим специального медицинского образования. Как видно, в отличие от российской аналогичной нормы, речь идет о специальном медицинском образовании, а не о высшем, что свидетельствует о более узком круге субъектов этого преступления. Подобное обстоятельство видится не совсем оправданным.

Уголовный кодекс Республики Беларусь в ч. 2 ст. 156 «Незаконное производство аборта» криминализует производство аборта лицом, не имеющим высшего образования по профилю образования «Здравоохранение». В данном случае белорусский законодатель четко указал на образовательную специальность, которой не должен обладать субъект соответствующего преступления. В ст. 123 УК РФ сказано лишь об отсутствии у лица высшего образования необходимого профиля, что определенным образом затрудняет правоприменение.

Несколько иначе регламентированы признаки субъекта незаконного проведения искусственного прерывания беременности в уголовном законодательстве стран Балтии. В ч. 2 ст. 135 «Незаконное производство аборта» УК Латвийской Республики установлена ответственность за производство аборта «лицом, не имеющим права» на его осуществление. Аналогичным образом характеризуется субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 126 «Неправомерное искусственное прерывание беременности» Пенитенциарного кодекса Эстонской Республики; объективная сторона данного преступления выражена в искусственном прерывании беременности «по воле беременной женщины, произведенном лицом, не имеющим законного права на проведение операций по искусственному прерыванию беременности». В ч. 2 и 3 ст. 142 УК Литовской Республики так же, как в латвийском и эстонском уголовных законах, ответственность предусмотрена за производство аборта лицом, не имеющим права производить такую операцию. Однако эти нормы отличаются от предыдущих тем, что в них ответственность дифференцирована в зависимости от того, является субъект «специалистом по здравоохранению» (ч. 2) либо нет (ч. 3). Иными словами, для специалиста в сфере здравоохранения, у которого отсутствует право на производство аборта, уголовная ответственность менее сурова, чем для лица, которое не является таким специалистом. Подобная градация уголовно-правовых мер за производство аборта лицом, у которого нет соответствующего права на это, видится вполне логичной и обоснованной, поскольку опасность наступления негативных последствий для жизни и здоровья женщины, чья беременность прерывается, существенно выше, если аборт осуществляет лицо, не имеющее каких-либо познаний в сфере медицины (т. е. неспециалист по здравоохранению).

В целом использование в рассмотренных уголовных законах стран Балтии термина «лицо, не имеющее права (законного права) на проведение искусственного прерывания беременности (аборта)» представляется весьма удачным, поскольку

достаточно четко определяет круг субъектов соответствующего преступления, чем выгодно отличается от ст. 123 УК РФ⁴.

Важной положительной особенностью уголовного законодательства стран — участниц СНГ и Балтии, отличающей его от российского уголовного законодательства, выступает то, что для лица, имеющего право на проведение искусственного прерывания беременности, установлена самостоятельная ответственность за осуществление соответствующего медицинского вмешательства с нарушением установленных правил и требований.

При описании признаков такого лица в уголовных законах указанных стран используется различная терминология. В основном законодатель отталкивается от проанализированных выше понятий. Так, в ч. 1 ст. 156 УК Республики Беларусь речь идет о незаконном производстве аборта лицом, имеющим высшее образование по профилю образования «Здравоохранение», в ч. 1 ст. 122 УК Республики Армения сказано о незаконном производстве аборта лицом, имеющим соответствующее высшее медицинское образование, а в ч. 1 ст. 120 УК Республики Туркменистан упомянуто лицо, имеющее высшее медицинское образование соответствующего профиля. Тем не менее имеются и другие понятия. В ч. 1 ст. 141 УК Республики Азербайджан в качестве субъекта незаконного производства аборта указан врач, а в ч. 1 ст. 114 УК Республики Узбекистан субъектом «производства искусственного прерывания беременности (аборта)» определен врач-акушер либо гинеколог.

Наиболее верным видится использование зарубежным законодателем лаконичного термина «лицо, имеющее право» на проведение искусственного прерывания беременности (аборта), потому как он отсылает к нормам медицинского законодательства, в которых четко указаны категории таких лиц, что упрощает процесс квалификации соответствующих преступлений. Подобный прием законодательной техники применен в ч. 1 ст. 135 УК Латвийской Республики, ч. 1 ст. 142 УК Литовской Республики и в ст. 127 Пенитенциарного кодекса Эстонской Республики.

Что касается нарушения условий и требований, при наличии которых разрешено легальное проведение искусственного прерывания беременности (аборта), допущенного лицом, имеющим право на такое медицинское вмешательство, то в уголовном законодательстве стран — участниц СНГ и Балтии они определены (описаны) по-разному. В зависимости от способа изложения нарушений соответствующих условий и требований все уголовные законы перечисленных стран можно разделить на две группы: 1) уголовные законы, в которых приведен исчерпывающий перечень нарушений условий и требований законного проведения искусственного прерывания беременности (аборта); 2) уголовные законы, содержащие лишь указания на незаконность производства искусственного прерывания беременности (аборта), отсылающие к нормам бланкетного законодательства (законодательства в сфере здравоохранения), где предусмотрены условия и требования правомерного проведения искусственного прерывания беременности (аборта).

Переходя к рассмотрению особенностей уголовных законов, относящихся к первой названной группе, отметим, что количество указанных в диспозиции соответствующих норм нарушений условий и требований проведения искусственно-

---

⁴ Целесообразность применения в российском уголовном законе аналогичного криминообразующего признака поддержали 77 % опрошенных респондентов, против него высказались 9 %, остальные респонденты своего мнения не указали.

го прерывания беременности (аборта) существенно варьируется. Так, согласно ч. 1 ст. 141 УК Республики Азербайджан, криминальным признается только производство аборта врачом вне медицинских учреждений. Аналогичная ситуация прослеживается и в Пенитенциарном кодексе Эстонской Республики, где в ст. 127 установлена ответственность уполномоченного лица в случае «проведения операций по искусственному прерыванию беременности позднее предусмотренного законом срока».

Узбекское, туркменское и литовское уголовное законодательство закрепляют два криминообразующих признака незаконного аборта, совершенного компетентным лицом, а именно: «вне лечебного учреждения или при наличии медицинских противопоказаний» (ч. 1 ст. 114 УК Республики Узбекистан); «вне больницы или другого лечебного заведения или в лечебном заведении, но без законного основания» (ч. 1 ст. 120 УК Республики Туркменистан); «совершено не в учреждении здравоохранения или если были противопоказания» (ч. 1 ст. УК Литовской Республики). В УК Латвийской Республики содержатся три соответствующих признака: 1) вне больницы или иного лечебного учреждения; 2) в лечебном учреждении, но без законного основания; 3) в антисанитарных условиях (ч. 1, 2 ст. 135).

Во второй группе стран, уголовные законы которых не предусматривают в диспозициях соответствующих норм перечень условий и требований легального проведения искусственного прерывания беременности (аборта), нарушение которых образует ответственность для лица, обладающего правом на такую медицинскую операцию, относятся: Республика Армения (ч. 1 ст. 122 УК), Республика Беларусь (ч. 1 ст. 156 УК), Республика Казахстан (ч. 3 ст. 319 УК), Кыргызская Республика (ч. 1 ст. 116 УК), Республика Таджикистан (ч. 1 ст. 123 УК) и Республика Украина (ч. 3 ст. 134 УК). Как было отмечено выше, для определения законности или незаконности искусственного прерывания беременности (аборта) необходимо обратиться к положениям медицинского законодательства указанных стран, предусматривающим условия и требования, при наличии которых возможно проведение соответствующего медицинского вмешательства.

Интересно, что в уголовном законодательстве двух стран из числа рассматриваемых (Республика Грузия и Республика Молдова) уголовная ответственность наступает за производство аборта с нарушением требований и условий, установленных для его осуществления, независимо от наличия или отсутствия у субъекта необходимых правомочий на это. Название ст. 133 УК Республики Грузия «Незаконный аборт» полностью тождественно описанию этого деяния, приведенному в ч. 1 данной нормы, где уголовная ответственность предусмотрена за совершение абсолютно всех форм незаконного аборта, перечисленных в национальном медицинском законодательстве Республики Грузия. В диспозиции ч. 1 ст. 159 УК Республики Молдова, напротив, указана каждая форма незаконного аборта, за совершение которой наступает ответственность. В частности, искусственное прерывание беременности признается преступным в одном из следующих случаев:

- если совершено вне медицинских учреждений или медицинских кабинетов, имеющих соответствующее разрешение (п. «а»);
- при сроке беременности более 12 недель при отсутствии медицинских показаний, установленных Министерством здравоохранения, труда и социальной защиты (п. «с»);

- при наличии у потерпевшей медицинских противопоказаний к осуществлению подобной операции (п. «d»);
- если совершено в антисанитарных условиях (п. «e»).

Кроме того, согласно п. «b» приведенной нормы, осуществление искусственного прерывания беременности «лицом, не имеющим специального высшего медицинского образования», является одним из альтернативных составообразующих признаков наравне с другими перечисленными.

Рассмотрев особенности построения диспозиций соответствующих норм уголовных законов стран, разделенных на две группы, отметим, что наиболее верным и обоснованным видится способ описания признаков объективной стороны, используемой в законодательстве стран первой групп, при котором указаны конкретные формы незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта), признаваемые преступными. Подобным образом законодатель криминализует именно такие незаконные формы соответствующего медицинского вмешательства, которые опасны для здоровья и жизни женщины, а не все без исключения, как это сделано в законе стран второй группы.

Далее проанализируем специфику законодательного конструирования квалифицирующих признаков незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта) в странах — участницах СНГ и Балтии. В большинстве своем квалифицирующие признаки рассматриваемых деяний связаны с наступлением по неосторожности общественно опасных последствий в виде лишения жизни и/или с причинением вреда здоровью женщины, которой проводилась соответствующая медицинская операция.

Так, согласно ч. 3 ст. 156 УК Республики Беларусь, ч. 3 ст. 122 УК Республики Армения, ч. 3 ст. 123 УК Республики Таджикистан, а также ч. 5 ст. 319 УК Республики Казахстан, уголовная ответственность усиливается в случае причинения по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшей, что полностью соответствует российскому аналогу, предусмотренному ч. 3 ст. 123 УК РФ.

В отличие от перечисленных стран, законодатели Республики Молдова и Республики Туркменистан в качестве квалифицирующего признака незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта) также предусмотрели причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности (п. «b» ч. 2 ст. 159 УК Республики Молдова и ч. 4 ст. 120 УК Республики Туркменистан). Возможность наличия подобного квалифицирующего признака в ст. 123 УК РФ представляется излишней, поскольку в российском уголовном законодательстве ответственность за причинение по неосторожности средней тяжести вреда здоровью отсутствует, за исключением ч. 1 ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному».

Интересен опыт азербайджанского уголовного законодательства, где причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшей при производстве незаконного аборта являются двумя самостоятельными квалифицирующими признаками (ч. 3 и 4 ст. 141 УК Республики Азербайджан соответственно). В некоторых странах при формулировании квалифицирующих признаков незаконного проведения искусственного прерывания беременности используются термины, более конкретно характеризующие наступившие последствия для здоровья женщины. Так, в ч. 3 ст. 134 УК Республики Украина вместо тяжкого вреда здоровью говорится о длительном расстройстве здоровья и бесплодии, а в ч. 2 ст. 133 УК

Республики Грузия сказано о пожизненной утрате детородности. В силу особенности такой медицинской операции, как искусственное прерывание беременности (аборт), в результате ее незаконного проведения могут наступить самые разнообразные негативные последствия для здоровья потерпевшей, поэтому нельзя ограничивать их только бесплодием.

В уголовном законодательстве Республики Грузия (ч. 2, 3 ст. 133 УК), Латвийской Республики (ч. 4 ст. 135 УК), Кыргызской Республики (ч. 3 ст. 116 УК) и Республики Узбекистан (ч. 3 ст. 114 УК) вместо такого квалифицирующего признака, как «наступление по неосторожности тяжкого вреда здоровью», используется другой, более широкий признак — «иные тяжкие последствия». Применение подобного оценочного термина не совсем корректно, так как он охватывает достаточно широкий спектр последствий незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта). Акцент в подобном преступлении должен делаться прежде всего на последствиях, связанных именно с негативным воздействием на жизнь и здоровье женщины, которой было проведено соответствующее медицинское вмешательство.

Удачным видится ужесточение в эстонском уголовном законе ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности, совершенное лицом, не имеющим законного права, при сроке беременности более 21 недели (ч. 2 ст. 126 Пенитенциарного кодекса Эстонской Республики), так как, во-первых, на этом сроке протекания беременности может родиться жизнеспособный ребенок, а во-вторых, возможность наступления неблагоприятных последствий для жизни и здоровья потерпевшей увеличивается многократно⁵. При совершении аналогичного деяния лицом, у которого имеется законное право на проведение искусственного прерывания беременности, уголовная ответственность наступает по самостоятельной норме, предусмотренной ст. 127 «Искусственное прерывание поздней беременности» Пенитенциарного кодекса Эстонской Республики.

3. Выводы

1. Законодательство большинства стран, относящихся к англосаксонской правовой системе, прочно стоит на классической концепции, что жизнь как таковая возникает после полного отделения плода от организма матери (т.е. окончания физиологических родов), в связи с чем умерщвление плода в утробе беременной женщины признается самостоятельным преступлением, за исключением некоторых штатов США, где человеческая жизнь наделяется уголовно-правовой охраной с момента зачатия и потому прерывание беременности является разновидностью убийства. Представляется, что ставить знак тождества между родившимся человеком и человеческим эмбрионом (плодом), пусть и жизнеспособным, не в полной мере верно по биологическим и этическим соображениям.

2. Уголовному законодательству многих стран Европы, Азии и Латинской Америки свойственно наличие субинститутов в рамках института преступлений против личности, целиком посвященных преступлениям, связанным с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (аборта) (Австрия, Ар-

⁵ За необходимость использования подобного положительного опыта в уголовном законодательстве РФ высказались 66 % опрошенных респондентов, против — 28 %, остальные респонденты своего мнения не указали.

гента, Бельгия, Израиль, Испания, Франция, ФРГ, Япония и др.). Особенностью подобных субинститутов выступает наличие в их положениях перечня легальных оснований медицинского, социального и этического характера для проведения искусственного прерывания беременности (аборта), норм, регламентирующих процессуальный порядок получения разрешения на проведение соответствующего медицинского вмешательства, а также норм, предусматривающих специальные виды такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как крайняя необходимость, и применяемых исключительно к случаям незаконного прерывания беременности. Представленные специфические черты зарубежного уголовного законодательства вряд ли интересны для российского уголовного закона, так как они противоречат особенностям правового регулирования и законодательной техники, сложившимся в России.

3. Исходя из специфики юридической техники, в уголовно-правовых нормах законодательства стран дальнего зарубежья, устанавливающих ответственность за незаконное проведение прерывания беременности (аборта), может содержаться как исчерпывающий перечень криминообразующих признаков этого деяния (например, Бельгия, Франция), так и простое указание на незаконность подобной медицинской операции, содержание которой раскрыто в нормах законодательства в сфере здравоохранения (Голландия, Испания, Польша и др.). Данный подход, когда нормативно закрепляются условия, при наличии которых прерывание беременности признается преступным, представляется весьма удачным; он может быть воспринят российским законодателем как руководство при разработке необходимых изменений ст. 123 УК РФ.

4. Квалифицирующие признаки незаконного проведения искусственного прерывания беременности в уголовно-правовых источниках стран дальнего зарубежья в основном предусматривают наступление по неосторожности негативных последствий в виде смерти женщины или существенного вреда ее здоровью. Кроме того, в уголовных законах некоторых стран систематическое осуществление искусственного прерывания беременности (Франция, Болгария и др.) либо совершение его в целях получения материальной выгоды (например, Норвегия, Республика Сан-Марино) выступают в качестве обстоятельства, усиливающего уголовную ответственность. Подобные квалифицирующие признаки (систематичность, корыстная мотивация) вряд ли необходимы российскому аналогу, так как неоднократность была исключена из ч. 2 ст. 123 УК РФ еще в 2003 г., а корысть имеется в большинстве случаев совершения соответствующего преступления.

5. Положительный опыт относительно формулирования квалифицирующих признаков незаконного проведения искусственного прерывания беременности имеется в польском уголовном законе, где в качестве признака, ужесточающего наказание, признается проведение прерывания беременности на поздних сроках беременности, т. е. в период, когда может родиться жизнеспособный ребенок, а вероятность возникновения негативных последствий для жизни и здоровья беременной женщины существенно увеличивается.

6. Наличие в уголовном законодательстве стран дальнего зарубежья значительного количества разнообразных преступлений, связанных с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (самоаборт, содействие аборту, склонение к аборту, неуведомление о проведении аборта, попустительство аборта

и т. д.), обусловлено прежде всего достаточно узким перечнем легальных оснований проведения такого медицинского вмешательства, что, в свою очередь, выступает проявлением ограничения свободы женщины в вопросах прерывания беременности. Иными словами, в тех странах, где аборт допустим только по медицинским показаниям (реже по социальным показаниям), криминализованы многие из перечисленных деяний, а в странах, где отношение к абортам достаточно либеральное (возможен аборт без наличия медицинских либо социальных показаний), уголовная ответственность предусмотрена в основном за действия, совершенные вопреки законному порядку проведения такого медицинского вмешательства и создающие опасность жизни и здоровью беременной женщины.

7. Такой криминообразующий признак, как отсутствие у субъекта необходимого для искусственного прерывания беременности высшего медицинского образования соответствующего профиля, сформулирован в уголовных законах многих стран — участниц СНГ и стран Балтии иначе, чем в ст. 123 УК РФ. Наиболее удачно данный признак описан в уголовном законодательстве стран Балтии — «лицо, не имеющее законного права на производство аборта», так как достаточно четко определяет круг субъектов соответствующего преступления, чем выгодно отличается от ст. 123 УК РФ.

8. Принципиальной особенностью уголовного законодательства стран — участниц СНГ и стран Балтии выступает наличие ответственности за различные формы незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта), связанные с нарушением условий и требований его проведения, а не за одну разновидность, как в российском уголовном законе, где установлена лишь ответственность лица, не имеющего высшего медицинского образования соответствующего профиля.

9. Большинство квалифицирующих признаков незаконного проведения искусственного прерывания беременности (аборта) в уголовно-правовых источниках стран — участниц СНГ и стран Балтии связано с наступлением по неосторожности общественно опасных последствий в виде лишения жизни и/или причинением вреда здоровью женщины, которой проводилась медицинская операция. В законах некоторых стран при формулировании квалифицирующих признаков соответствующего преступления используются термины, более конкретно характеризующие наступившие последствия для здоровья женщины (бесплодие). В силу особенности такой медицинской операции, как искусственное прерывание беременности (аборт), в результате ее незаконного проведения могут наступить самые разнообразные негативные последствия для здоровья потерпевшей, поэтому ограничивать их только бесплодием необоснованно.

10. Удачным с точки зрения восприятия общественной опасности незаконного проведения позднего искусственного прерывания беременности (аборта) видится ужесточение в эстонском уголовном законе ответственности за подобное деяние, совершенное лицом, не имеющим законного права, при сроке беременности более 21 недели, так как, во-первых, на этом сроке протекания беременности может родиться жизнеспособный ребенок, а во-вторых, возможность наступления неблагоприятных последствий для жизни и здоровья потерпевшей увеличивается многократно.

Библиография

- Бабичев, Арсений Г. 2014. «Привилегированные» убийства в странах дальнего зарубежья». *Вестник Челябинского государственного университета. Право* 40.20 (349): 54–61.
- Власенко, Владислав В. 2015. «Актуальные проблемы уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ)». *Медицинское право* 6: 43–47.
- Кабурнеев, Эдуард В. 2007. *Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России*. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, Московский университет МВД России.
- Киселева, Мария В. 2010. *Уголовно-правовая охрана материнства*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Малешина, Анастасия В. 2009. *Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права (на примере Англии, США и Канады)*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Elul, Batty, Hajri, Selma, Ngoc Nguyen thi Nhu et al. 2001. "Can women in less developed countries use a simplified medical abortion regimen?" *Lancet* 357: 1402–1405.
- Junker, Karin. 2004. *Report on population and development: 10 years after the UN Conference in Cairo (2003/2133(INI))*. Committee on Development and Cooperation. Accessed July 12, 2019. <http://www2.europarl.eu.int>.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2019 г.;
рекомендована в печать 15 ноября 2019 г.

Контактная информация:

Власенко Владислав Владимирович — канд. юрид. наук; VladVV26@mail.ru
Маркина Ирина Николаевна — аспирант; ugolovnoe_pravo@list.ru
Фохрер-Дедурваердер Эстель — д-р юрид. наук; estelle.fohrer-dedeurwaerder@ut-capitole.fr

Crimes related to illegally carrying out an artificial termination of pregnancy (abortion) in the legislation of foreign countries

V. V. Vlasenko¹, I. N. Markina², E. Fohrer-Dedeurwaerder³

¹ Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 43, pr. Kulakova, Stavropol, 355000, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia, 6, ul. Miklouho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

³ University of Toulouse 1 Capitole, 21, Brienne lane, Toulouse, 31042, France

For citation: Vlasenko, Vladislav V., Irina N. Markina, Estelle Fohrer-Dedeurwaerder. 2020. "Crimes related to illegally carrying out an artificial termination of pregnancy (abortion) in the legislation of foreign countries". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 154–172. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.111>

The article presents the results of a study of the criminal law of certain countries in Europe, North America, the CIS and the Baltic countries, establishing responsibility for various acts related to the unlawful termination of pregnancy (abortion). The choice of the respective countries is determined by the development of their criminal legislation (countries of Europe and North America), as well as the unified historical experience and legal similarity of the relevant norms (CIS member states and the Baltic countries). At present, it is necessary

to strengthen the legal protection of the life and health of women (reproductive, primarily) in order to improve the demographic situation in the Russian Federation. One of the directions of such strengthening should be to increase the effectiveness of criminal law measures ensuring the protection of the corresponding benefits from criminal assaults associated with unlawful termination of pregnancy. A positive role in this direction is played by the positive foreign experience in countering such criminal phenomena, which should be actively used in the development of amendments to Russian criminal law. The principal feature of the criminal legislation of the countries under consideration is, first of all, the responsibility for various forms of unlawful termination of pregnancy (abortion) associated with the violation of the conditions and safety requirements of its conduct, and not only for one of its types as in the Russian criminal law, where it is established only the responsibility of a person who does not have a higher medical education of the corresponding profile, which positively distinguishes him from the Russian one. The presence in the criminal legislation of the countries under consideration of a significant number of various crimes related to the unlawful conduct of an artificial termination of pregnancy (abortion) (“self-abortion,” facilitating abortion, inducing abortion, failure to notify about abortion, condoning abortion, etc.) is caused, first of all, by the presence of a rather “narrow” list of legal grounds for conducting such a medical intervention. This in turn is a manifestation of the restriction of a woman’s freedom in matters of interrupting pregnancy.

Keywords: abortion, artificial termination of pregnancy, medical indications, social indications, doctor, a person who does not have (has) a higher medical education of the appropriate profile, promotion of abortion, inducement to abortion, an urgent need.

References

- Babichev, Arsenii G. 2014. “‘Privileged’ killings in foreign countries”. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* 40.20 (349): 54–61. (In Russian)
- Elul, Batya, Hajri, Selma, Ngoc Nguyen thi Nhu et al. 2001 “Can women in less developed countries use a simplified medical abortion regimen?” *Lancet* 357: 1402–1405.
- Junker, Karin. 2004. *Report on population and development: 10 years after the UN Conference in Cairo (2003/2133(INI))*. Committee on Development and Cooperation. Accessed July 12, 2019. <http://www2.europarl.eu.int>.
- Kaburneev, Eduard V. 2007. “Differentiation of criminal liability for crimes against life under the criminal law of Russia”. Dr. Sc. diss., Moskovskii universitet MVD Rossii. (In Russian)
- Kiseleva, Mariia V. 2010. “Criminal protection of motherhood”. PhD diss., Akademiia General’noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii. (In Russian)
- Maleshina, Anastasiia V. 2009. “Responsibility for criminal acts against life in common law countries (on the example of England, the USA and Canada)”. PhD diss., Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova. (In Russian)
- Vlasenko, Vladislav V. 2015. “Actual problems of criminal liability for unlawful termination of pregnancy (art. 123 of the Criminal Code of the Russian Federation)”. *Meditinskoe pravo* 6: 43–47. (In Russian)

Received: July 30, 2019

Accepted: November 15, 2019

Authors’ information:

Vladislav V. Vlasenko — PhD in Law; VladVV26@mail.ru

Irina N. Markina — post-graduate student; ugolovnoe_pravo@list.ru;

Estelle Fohrer-Dedeurwaerder — Dr. Sci. in Law; estelle.fohrer-dedeurwaerder@ut-capitole.fr